

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИДЕИ АДЫГСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)¹

С.А. АЙЛАРОВА

Адыгские просветители первой половины XIX века, остро осознающие социально-экономическую отсталость своего обширного края, выдвигают целую программу экономических преобразований. Они жаждут увидеть свои народы зажиточными и благоустроенными, не уступающими в предприимчивости и всевозможных промыслах народам Европы и России. Со страниц историко-этнографических трудов, проектов, записок просветителей встает впечатляющая картина современного им состояния хозяйственной жизни северокавказских народов (прежде всего адыгов), намечаются перспективы их экономического развития. Просветители настаивают на том, что только положительное отношение к хозяйственному труду, его высокий статус на шкале ценностей адыгской культуры во многом определит успех социально-экономического развития. Они анализируют этнические традиции хозяйствования и отмечают важность воспитания культурных установок на трудолюбие и бытовое устройство, повседневный практицизм и рационализацию хозяйства.

Шора Ногмов в своей «Истории адыгейского народа» писал, что «адыхе издревле занимались хлебопашеством и сеяли просо, ячмень, кукурузу и огородные овощи: лук, чеснок, редьку, свеклу и пр.; на нашем языке есть названия всех хлебов». Наряду с земледелием, он пишет о многообразном скотоводстве, отмечая, что кабардинцы «имели хорошее пчеловодство, конские табуны, рогатый скот, коз и овец; но особое внимание было обращено на разведение хороших лошадей» [7, с. 71].

Однако по сравнению с уровнем жизни и хозяйствования народов модернизировавшейся Европы, адыги – народ бедный, с весьма неустроенным бытом. И Ш. Ногмов ищет причины не только в суровой природе и отсутствии контактов с более развитыми обществами, но и в низкой культуре и интенсивности труда во всех областях хозяйственной деятельности адыгов. Постоянные феодальные междоусобицы, набеги врагов, общая нестабильность, отсутствие гарантии сохранности плодов труда способствовали деградации традиционно высокой адыгской этики труда. «...Древние адыхе одарены были благородством души и хорошими умственными способностями, славились деятельностью и сметливостью... И действительно, адыгейцы были известны в древние времена своим трудолюбием; но после грозных нашествий, переселений, частных побегов в горы, где они принуждены были скитаться по самым скудным местностям, от частой перемены и от притеснений владельцев, а в позднейшие времена от беспрестанных набегов татарских и калмыцких орд нравы их совершенно изменились. Прежние хорошие качества исчезли; народ

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

впал и беспечность, лень и во все происходящие от них пороки, которые вовлекли его в бедность и нищету, заставляя довольствоваться самою грубою пищею и весьма худым жилищем» [7, с. 66]. Высокая адыгская этика труда в прошлом, по мнению Ш. Ногмова, – это не только продукт национальной жизни, но и результат интенсивных межнациональных контактов, в частности, цивилизующего влияния средневековой византийской культуры. Как пишет Ногмов, византийское духовенство «внесло к нам миролюбивые занятия искусствами и просвещение», способствовало «возрождению искусств и художеств».

Но блестящие византийские ремёсла, развитые формы урбанистической и сельскохозяйственной деятельности не закрепились в суровом кавказском крае. Отсутствие единой государственности, национального единения и сплоченности сделали адыгов беззащитными перед ударами многочисленных могущественных врагов. «Бедный народ, облитый кровью, без крова и пропитания, искал спасения в горах, пещерах и дремучих лесах... Народонаселение уменьшилось, селения и пашни запустели, и с этого времени начался упадок адыгского, или антского народа, дотоле жившего в независимости» [7, с. 76-85].

Всем своим творчеством и общественной активностью кабардинский просветитель старался способствовать развитию экономики и культуры своего народа. Наиболее значительное место в общественной деятельности Шоры Ногмова занимает время, когда он служил секретарем Временного Кабардинского суда (1838-1942 гг.). Пользувавшийся авторитетом и уважением в обществе секретарь суда писал и подготавливал ходатайства, затрагивавшие самые назревшие экономические потребности кабардинского общества [5, с. 77; 9, с. 67-71; 6, с. 94-131].

В этом отношении интересны следующие документы – два рапорта Кабардинского временного суда, представленные на рассмотрение начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Пирятинского, в которых была представлена обширная программа действий по хозяйственному и общественно-культурному развитию Кабарды, содержались предложения о строительстве при крепости Нальчикской училища для обучения кабардинских детей русской грамоте. Указанные документы, составленные от имени народа Шора Ногмовым, дают яркую характеристику его представлениям о путях дальнейшего хозяйственного и культурного развития своего края [8, с. 59-63].

Рапорт начинается с краткой истории русско-кабардинских политических связей. Далее автор описывает плачевное состояние просвещения в Кабарде. Необразованность народа является причиной не только гражданского беспорядка и анархии, но и убогого состояния хозяйствования. Из-за отсутствия образования совершали «с древних веков и до ныне» «гнусные поступки, от пустого воображения за лучшее отвергали самые полезные общественные занятия». Полезные общественные занятия – это занятия наукой, ремеслами, производительным сельскохозяйственным трудом, – заменялись организацией набегов, «воровством». «Вместо чтения книг некоторые упражнялись чисткою оружия.., вместо грамматики занимались обидой своих

ближних..., а вместо арифметики занимались разбоями и воровством..., а вместо прочих ремесленных наук занимались непримиримым тяжёлым спором».

В документе подвергается критике вся феодальная система воспитания юношества, которая ориентировала их лишь на военные занятия, формируя презрительное отношение к честному хозяйственному труду. Составитель рапорта отмечает, что кабардинцы не имея «должного образования, никак не могли сами между собой принять такового для себя и отечества, остаются по всюду подобно охотникам без должного пристанища и к полезным занятиям по хозяйственной части, для улучшения своего состояния» приступать страшатся».

В силу всех этих обстоятельств, говорится далее в рапорте, «всякие полезные науке по дикой необузданности ныне кажутся им в тягость, в особенности для молодых людей, имеющих привычку более к шалостям и вредным занятиям».

Констатировав крайне неудовлетворительное состояние с общественно-нравственным и трудовым воспитанием кабардинской молодежи, автор переходит к практическим предложениям. Предлагалось прежде всего просвещение, обучение детей, для чего должна была строиться школа. Автор считает «за лучшим избрать, применяясь к прежним временам как всякий человек сотворен от всевышнего, одарен чувствами, разумом, способностями, обучение означенных детей».

Третьим пунктом рапорта-ходатайства шла просьба кабардинцев «О дозволении кабардинским владельцам и черному народу на отдачу их холопов во внутрь российской границы, по кавказской области, русским ремесленникам для обучения разного рода мастерствам, на собственном их иждивении». Вернувшись на родину, специально обученные в России оригинальным ремеслам работники сформировали бы у определенной части населения желание освоить новые для Кабарды формы хозяйственной деятельности. Как отмечается в рапорте – «в последствии можно возбудить кабардинский народ быть готовым к трудам для лучшего приведения хозяйственных обиходов, а тем самым можно отвлечь всякого от вольнодумных гнусных действий» [8, с. 62].

В последующее время Ш. Ногмов выступал с рядом инициатив, в частности, о внедрении новых для Кабарды сельскохозяйственных культур в народное хозяйство, например, пшеницы, кукурузы и картофеля.

Ш. Ногмов поддерживал все новые веяния в хозяйственной жизни адыгских обществ. Где ярким словом, где делом он помогал становлению новой экономики Кабарды, формированию современной хозяйственной психологии и культуры.

Молодой Д.С. Кодзоков уже в первые годы своего пребывания на Кавказе был одержим просветительскими проектами преобразований в быту и хозяйствовании горцев, которые находил весьма несовершенными. В одном из писем своим приемным родителям Хомяковым 28 сентября 1839 г. он писал: «Теперь скажу о моих действиях... По моему убеждению готовится

материал для постройки русского дома с печью и окнами, ибо жить в саклях зимою невозможно и убийственно, порождает множество болезней, особенно глазных. Начали строить баню русскую, ибо неопрятность выше всякого описания... Пример удивительно действует. Все соседи поговаривают, что все мною вводимое очень хорошее и можно надеяться, что со временем они последуют нововведениям. Вспомните, как брили русские бороды» [3, с. 93].

Уже в эти годы сложилось убеждение, что в основе бытовой неустроенности и разорительных традиций хозяйствования – низкий статус труда в обществе. «О беспечности жителей невозможно составить себе понятия: стада гибнут, лошади пропадают... О хозяйстве говорить нечего, это жалость. Из подаренных мне от кунаков лошадей, рогатого скота, овец я намерен положить основание примерному для их имений хозяйству, но недостаток людей и рук затрудняет всякие благоразумные меры... Изобилие естественных произведений, леса, трав, плодов, животных – все пропадает и гибнет без пользы из лености и беспечности...».

Он снова и снова повторял, что причины бедности и невысокого (по сравнению с европейскими) уровня развития горских народов – в недостаточной интенсивности труда («лености») в традиционных горских обществах: «Причина их бедного состояния не что иное, как лень выше всякого понятия». Уже тогда, в 30-40-е гг., XIX в. зародились у Д.С. Кодзокова планы организации образцово-показательных хозяйств, где его соотечественники могли бы познакомиться с более совершенными формами ведения сельского хозяйства, освоили бы ремесла, навыки домостроения и элементы европейского бытового комфорта. «Итак, можете убедиться, – писал он приемным родителям, – что мои преобразования ни к чему другому клонятся, как к личной и общей пользе; со временем, когда расширится круг моих действий, все убедятся в пользе моих стараний... Есть готовность многих к преобразованиям, не достигает смелости идти первому противу принятого обычая, которые между грубыми народами имеют более весу, нежели где-нибудь...» [3, л. 87 об.].

Молодой просветитель был полон планов реформ, жаждал многое переделать в адыгском быту и традициях хозяйствования, хотя и понимал на какую толщу обычно-правовых и ментальных представлений опирается традиционный уклад жизни кавказских народов.

Ф.А. Бекович-Черкасский указывал на ведущую роль земледелия и скотоводства в хозяйстве адыгских народов. Он обрисовывает довольно удовлетворительный уровень земледелия – «хлебопашество тамошних народов вообще в хорошем состоянии по причине благоприятствующего тому грунта земли» [2, с. 905]. Кроме того, он указывал на развитые скотоводство и пчеловодство, которые «значительнее хлебопашества». Адыги разводили «в большом количестве буйволов, коз и овец». Однако, несмотря на многоотраслевое сельское хозяйство и плодородную землю, местное население небогато. И причины – не только в недостатке у некоторых племен земли. Военных действиях на территории земледельческих угодий и всевозможных колониальных мероприятиях российской администрации, но и в невысокой

интенсивности земледельческого и скотоводческого труда. «Отличные пашни, леса – словом, всевозможные уголья могут при трудолюбии доставлять больше выгоды, но праздность, врожденная сему народу, составляет к сему преграды». В традициях дворянской и буржуазной историографии Бекович-Черкасский пишет о «врожденной праздности» кабардинцев, но речь идет о исторически сложившейся трудовой и хозяйственной культуре народа.

Препятствует интенсификации земледелия и характерный для традиционного хозяйствования принцип удовлетворения ограниченных потребностей, гарантирующих простое физическое выживание. Так, Бекович-Черкасский пишет, что «народы сии обыкновенно засевают только такую часть хлеба, какая по расчету нужна для собственного их пропитания и которую они надеются сбыть жителям кавказских вершин, не занимающихся хлебопашеством» [2, с. 905]. Поэтому для более продуктивного хозяйствования необходимо развитие торговли (путем «выгодной и значительной покупки» зерновых), а также строительства «кожевенных заводов, чтобы можно было переработать закупленное у местного населения сырье». Следовательно, сельское хозяйство адыгов, по мнению Бековича-Черкасского, должно быть оживлено элементами предпринимательства и коммерции.

О необходимости развития торговли, которая является «первой ступенью к образованности», писал и С. Казы-Гирей. Он предлагал снять все ограничения для развития русско-адыгской торговли, «вызвать в станицы Лабинскую и Темиргоевскую торговцев для распространения меновой торговли и стараться всячески облегчить ее для горцев» [5, с. 157].

Просветители мечтают о появлении на Северном Кавказе городов, центров урбанистической культуры, вокруг которых кавказские народы начнут формироваться в цивилизованный, знакомый с европейскими потребностями социум. «Черкесов прежде всего, – писал Ф.А. Бекович-Черкасский, – необходимо познакомить сколько-нибудь с роскошью, водворять между ними прочную оседлость». С этой целью, по его мнению, «...представляется величайшею пользою для возведения их на степень благородного образования основать город около Нальчикской крепости как пункт, составляющий средоточие всей Кабарды» [2, с. 871].

Для привлечения в город кабардинцев он предлагал вначале заселить его татарами-мусульманами, которые послужат им примером. Чтобы сделать город притягательным для всех северокавказских народов, Ф.А. Бекович-Черкасский выдвигал условие «при учреждении города предоставить людям всех состояний, на жительство в оном поселяющихся, льготы от всех государственных и земских повинностей на 15 лет».

Новый город должен быть «устройстваем по плану со всеми предметами роскоши и вкуса», с красивыми благоустроенными домами и прямыми улицами. В городе будет мечеть и разные учреждения, например, суд – мехкеме под председательством кадия, а также «училище для малолетних детей». Просветитель считал необходимым «людей, вызванных на жительство в город, разделить на три класса или сословия: первого класса люди, имеющих хотя даже незначительный капитал, но занимающихся продажей разных товаров,

для кабардинцев необходимых, должны именоваться купцами; второй класс – ремесленники и третий класс – земледельцы».

Город-полис начнет консолидировать вокруг себя все сословия адыгского общества, которые «в самое короткое время, оставив мрачные жилища, вертепы свои, поспешат с семействами в город поселиться». Городская торговля, в которую будут втягиваться кабардинцы, а также разнообразные формы межэтнического общения, в процессе которых они «сдружатся с людьми, благословляющими безмятежную, приятную жизнь», и приобщатся к оседлости, с «которой неразлучно трудолюбие и стремление к пользам».

Таким образом, город должен был стать не только экономическим, политическим, но и цивилизующе-культурным центром адыгов. Столкнувшись с другой, более развитой жизнью, княжеско-дворянская молодежь встанет на путь «перевоспитания», перестанет предаваться «сумбурной» и «разбойной» жизни, усвоит лояльность российской власти. Этому должна была способствовать обязательная для всех феодальных отпрысков военная служба до 25-летнего возраста, а также привлечение их к разного рода работам. «Ничто так не поселяет худых мыслей и не портит сердца людей, как праздность, – писал Бекович-Черкасский, – потому, дабы спасти кабардинцев от совершенной со временем гибели, поставить в обязанность местного начальства возложить на узденей и князей, еще в мужественном возрасте находящихся, различные обязанности, как-то: заседателей, надзор за караулами, табунами, за работами поселян, за действиями их и тому подобное» [2, с. 872].

О необходимости строительства экономико-административного центра, который станет для живущих в нем адыгов своеобразным «окном в Европу», укрепить связь северокавказских народов с Россией писали С. Казы-Гирей и С. Хан-Гирей. Казы-Гирей предлагал построить на Лабе аул, который «будет центром торговли, местом информации о событиях в мире и в адыгских обществах, станет местом «для постепенного введения европейской образованности» [4, с. 106]. Для Хан-Гирея также такое село со временем станет центром торговли, местом сосредоточения купцов и ремесленников – «поселение туда этих людей, без сомнения, принесет ту пользу, что эти места превратятся в цветущие города» [10, с. 322].

В таких центрах торговли адыги будут вовлекаться в коммерцию, сообщаться с предприимчивыми народами, которые, по мысли Казы-Гирея, будут указывать «горцам сначала на некоторые из местных богатств, которые они могут употреблять при меновой торговле, потом на богатства, которые племя, владение или целый народ может отдать на откуп предприимчивому человеку» [5, с. 159].

Хозяйственные проблемы и экономические перспективы адыгских народов – в центре внимания труда С. Хан-Гирея «Записки о Черкесии», где второе отделение второй части книги так и называется «Промышленность». В данной части книги Хан-Гирей освещает различные стороны «народной промышленности» – земледелие, скотоводство, традиционные промыслы, торговлю и т.д.

Переход народа от кочевничества к оседлости, навыки земледелия у адыгов уходят, по мнению Хан-Гирей, в глубокую древность. Затрудняясь определить, «когда этот народ перешел от пастушеского состояния к состоянию земледельца», он лишь отмечает, что хлебопашество введено в Черкесии с весьма древних времен». На это указывают и фольклорно-этнографические данные: «В описаниях божеств мифологии этого народа мы видели, что в Черкесии чтили некоторого Созереша, покровителя хлебопашества и ему в известное время приносили благодарственные молебствия» [10, с. 241].

Хан-Гирей констатирует, что «черкесы... не могут заниматься как должно земледелием, хотя прекрасная их почва как бы имеет право требовать большого к себе внимания; поэтому и все их успехи в земледелии весьма ограничены...».

Ведь для того, чтобы земледелие на Кавказе процветало как в Европе, необходимо сочетание целого ряда условий: высокой культуры и интенсивности труда, стимулирующей конкуренции и, наконец, помощи правительственных программ. Земледелие, приносящее «собой изобилие, может только усовершенствоваться постоянною рачительностью и улучшением земледельческих орудий, которые до высокой степени совершенства достигают лишь через долговременный опыт. К тому благодетельные попечения правительства распространяют земледелие и похвальное соревнование помещиков, которым оно приносит важные выгоды, дают этому источнику народного благосостояния прочное и совершенное основание». К сожалению, всех этих условий нет на его родине: «Черкесы... чуждые всего этого».

Орудия, которыми работают адыгские крестьяне, архаичны и примитивны. Неизменная технология поддерживалась натурально-потребительским характером земледелия, ориентированного на удовлетворение неизменных потребностей, и простое физическое выживание. «Вообще черкесы стараются сеять и собирать хлеба лишь столько, сколько им потребно для продовольствия до будущей жатвы, отчего, не имея запасов, в случае неурожая подвергаются всем ужасным последствиям голода» [10, с. 242].

Застойность земледелия он объясняет неразвитостью обменов, замкнутостью всего хозяйственного цикла у адыгов. «Нерадению» адыгских крестьян «немало служит и то обстоятельство, что у них нет удобного сбыта хлеба посредством торговли, которая бы поощряла трудолюбие селянина». Одно из адыгских племен обнаруживало «привязанность к хлебопашеству» именно благодаря возможностям торговли с турками в анапском порту, «куда возили они хлеб на продажу этим последним».

Весьма развито было у адыгов приусадебное огородничество: «Каждый порядочный хозяин имеет обыкновенно огород около своего дома, где засекает он всякого рода огородные растения». Однако в контрасте с ним практически отсутствующее садоводство – адыги «не имели никакого понятия о садоводстве... и довольствуются дикими плодами, которыми изобилуют их леса».

С незапамятных времен адыги занимались скотоводством. «Они занимаются скотоводством, – пишет Хан-Гирей, – и во времена идолопоклонства чтили каких-то богов – покровителей скотоводства, чем

доказывается с сколь давнего времени они занимались скотоводством». Со страниц «Записок о Черкесии» встает впечатляющая картина адыгского животноводства: здесь и разведение лошадей, коров, буйволов, овец, коз. «Рогатый скот, разводимый черкесами, мелок, но сложен хорошо, сносен для работы», а коровы «весьма обильны молоком».

В хозяйстве крестьянина рогатый скот занимал исключительное место – с его помощью производились все сельскохозяйственные работы, ибо у адыгов «нет употребления впрягать лошадей». «Вообще рогатый скот необходим в жизни черкеса как для мяса и молока, так равно и для работы; также и из кожи этого животного делают поселяне обувь, а наездники сбрую конскую».

Отсюда – «довольно попечений» о содержании скота: его содержат зимой в теплых хлевах и «кормят трижды в день сеном». Для летнего времени держали специальные летние хлева; большую скотину также держали в особом хлеву.

«Довольно попечений» адыги уделяли также овцеводству. Овца имела большое значение в жизни всех северокавказских народов – «из овечьей кожи делают они шубу, единственную свою защиту от стужи, а из волны ткется сукно»; «баранье мясо предпочитается мясу всех других животных...» и «почитаются... за особо благородную пищу» [10, с. 243].

Однако в целом адыгские племена «не богаты большими стадами овец», исключая «кабардинцев, бесленеевцев и махошевцев, которые имеют довольно большие стада». Лимитировалось разведение овец во многих, особенно горных, местностях недостатком кормов.

Но с особым интересом Хан-Гирей характеризует традиции адыгского коневодства. Не секрет, что кабардинская лошадь славилась в России высокими качествами породы. «Превосходство черкесских лошадей для верховой езды описывать было бы излишне, – пишет он, – кто из господ русских офицеров, хоть бы раз бывавших в походе, кто из коннозаводчиков не убедился опытом, что лошадь черкесская есть верх совершенства относительно способностей, нужных для бега и для перенесения трудов. Сверх того, черкесские лошади сложены довольно хорошо и очень крепки» [10, с. 244-245].

С множеством подробностей и деталей описывает Хан-Гирей тот тщательный уход, благодаря которому формируется и воспитывается знаменитая лошадь. «Удивительно, с какою неутомимостью и тщанием черкесы содержат верховых лошадей: дважды в году они откармливают своих любимых коней: летом при наступлении жаров и зимою при наступлении стужи. Откармливаемую летом лошадь ставят в конюшню, со тщанием обмазанную глиною и темную, чтобы мухи не беспокоили лошадей, в ней содержимых... Каждое утро моют хвост, ноги, брюхо и вообще со тщанием чистят лошадь, что делается в день дважды» [10, с. 245-246]. Лошадь откармливается чистым зерном – «черкес... скорее сам согласится быть голоден, чем лошадь свою допустит до этого». Даже представители высших сословий, не снисходящие до какой-либо физической работы, «собственными руками нередко обчищают копыта своих лошадей и моют их гривы мылом и куриными яйцами, хотя бы их окружала толпа слуг, готовых это исполнить».

Однако система хозяйствования адыгов, складывавшаяся веками и, казалось бы, гармонично приспособленная к природно-климатическим условиям местности, оценивается в итоге Хан-Гиреем достаточно критически. Она удовлетворяет само традиционное адыгское общество, но обнаруживает весьма низкий уровень в сравнении с экономикой и хозяйственными навыками современных Хан-Гиреею передовых народов Европы. Таких критических замечаний у Хан-Гирея можно найти множество. Например: «Черкесы... не радеют о скотоводстве, подобно другим народам, хотя страна, ими занимаемая, богата привольными пастбищами»; или: «...черкесы... не прилагают больших попечений об улучшении и разведении разных пород скота, и если у них некоторые из них, как-то: овцы, а в особенности лошади, превосходны, то это должно приписать более тучности земли и благорасположению климата их страны, нежели попечению владельца».

И, пожалуй, для Хан-Гирея ясны причины такого отставания от «просвещенной Европы» – это прежде всего низкий культурный статус труда в адыгском обществе. По этому поводу он бросает замечания о черкесах, «чуждых хозяйственного труда», и сетует на то, что «господствующий класс в Черкесии считает земледельческие работы постыдными для своего сана» [10, с. 122]. Ведь даже те огромные заботы, которые кладутся на то, чтобы выхолить и выкормить породистую лошадь, направлены не на то, чтобы с этим благородным животным заняться производительным трудом – «таким образом выдержанная лошадь» готовится для войны и набега, и «наездники пускаются искать на ней опасностей, славы и добычи в удалстве» [10, с. 246].

И не случайно из домашних промыслов наиболее развиты и «производят превосходные изделия» те, что обслуживают и соприкасаются с военно-феодалным укладом жизни. «Всегдашняя военная жизнь черкесов усовершенствовалась и искусство их во всем, что касается до оружия, – пишет он, – вечная опасность, вечная война и военное тщеславие заставляют их всегда помышлять об устройстве, красоте, удобности и ловкости оружия. И действительно, они до этой цели достигли вполне. Всякое лучшего достоинства оружие черкеса, нужное для военной его жизни, носит особенную печать изящного вкуса, прочности, красоты, соединенной с удобностью для употребления» [10, с. 250]. Адыги даже сами изготавливали порох, технология изготовления которого подробно описывается Хан-Гиреем.

Кроме того, просветители сообщают о ремесленных занятиях «всякого рода, какие только им (адыгам. – С.А.) потребны для ограниченного круга их надобностей». Так, Шора Ногмов пишет о развитом кузнечном производстве: «Древние адыге, имея некоторое понятие об искусствах, вырабатывали из собственного железа и меди котлы, топоры, ножи, сошники, косы и серпы». И хотя адыги, как отмечает Хан-Гирей, «не имеют никаких фабрик, заслуживающих это название, и всякий мастер или мастерица работает у себя на дому,» – но они «по справедливости должны быть причислены к тем необразованным народам, которых рукоделия заслуживают удивления» [10, с. 248]. Он указывает на великолепное искусство вышивки золотом и серебром,

которым «отличаются женщины высшего класса», изготовление бурок, войлоков и полстей.

Хозяйство адыгских народов включало также рыболовство, пчеловодство, звероловство. Пчеловодство было хорошо поставлено и приносило «чрезвычайно много пользы». Мед и воск потребляются в домашнем быту, а также «с выгодой продаются». Звероловство, по мнению Хан-Гирея, «не обращает на себя надлежащего... внимания». «Приносящее северным народам великие богатства», оно и адыгов могло «обогащать... весьма важною торговою статьею». Однако ввиду стойкого предубеждения против занятий торговлей, для феодалов «ловить зверей для продажи их мехов считается постыдным». Крестьянство же мало занимается этим промыслом, поскольку «торговля мехами, будучи незначительна, не поощряет надлежащим образом жителей к звероловству» [10, с. 247].

Главным препятствием в деле укрепления экономического благосостояния адыгских (и всех северокавказских) народов С. Хан-Гирей видит в отсутствии государственности, гражданского правопорядка, господства феодальной междоусобицы и анархии. Не могло быть процветающего земледелия и скотоводства там, где «...земледелец под защиту ружья обрабатывает свою землю» и где мирных крестьян поджидает «непрестанная опасность, сопровождающая их в течение всей жизни».

Тем менее в условиях войны и постоянных набегов могла процветать торговля. «Торговля, – пишет Хан-Гирей, – один из величайших источников богатства народного, конечно, не может быть обширна и значительна там, где нет спокойствия и тишины, где все подвержено буре войны и где насилие знатного воина лишает слабейших собственности; следственно, и в Черкесии не может быть обширной торговли в настоящем положении там и дел и образа жизни». Небольшие торговые обороты с казачьими станицами и на рынках вдоль Кавказской линии из-за отсутствия денежной системы носили меновой характер. «Черкесы не имеют собственных денег, да и чужестранных серебряных и золотых монет у них весьма мало в обращении. Вообще они эти деньги принимают лишь как драгоценный металл и вся их торговля производится посредством мены» [10, с. 251].

Если со стороны адыгов в обмен шли товары местного производства – меха, кожи, мед, воск, масло, а также строительный лес, то со стороны России – изделия русской промышленности – ткани, галантерея, посуда и утварь, соль.

Для меновой торговли в нескольких населенных пунктах – Моздоке, Екатеринограде, Прочноокопе, Бугазе – устроены «так называемые меновые дворы с карантинами для очищения товаров от зачумления». Однако мена, «при них производимая, весьма незначительна», кроме того, меновые дворы действовали непостоянно, а то и вовсе закрывались.

Необходимы, по мысли Хан-Гирея, энергичные меры по развитию торговли и ремесленного производства, формированию определенной категории работников, которые могли бы этим заниматься профессионально. Например, «создать в Черкесии из черкес же сословия купцов и ремесленников постоянных», ибо «промышленная предприимчивость... не чужда... духу этого

народа» [10, с. 322]. Для этой деятельности подойдут свободные крестьяне – «из простого независимого класса вольных земледельцев избрать людей, способных к торговым оборотам, преимущественно тех, которые и до того времени занимались таковыми». Для того чтобы такая торговля набрала обороты, ей необходима правительственная финансовая поддержка. «Дать им товары сначала на маловажную сумму для закупки предметов торговли, обязав их доставлять в назначаемые им места закупленные товары для отправления в Россию, предоставляя им значительные выгоды от подобных торговых оборотов так, чтобы они могли составить себе капиталы, хотя незначительные, разумеется, причем должны соблюдать интересы казны и обеспечивать суммы, отдаваемые этим новым купцам».

Для увеличения и разнообразия товаров он предлагает предоставить средства в виде инструментов и материалов адыгским ремесленникам, с тем чтобы они также могли составить себе капиталы. Места поселения купцов и ремесленников в будущем «превратятся в цветущие города», что будет «способствовать к вящему освоению туземцев с гражданственностью».

Для приобретения профессиональных навыков будущих купцов и ремесленников надо направить в Россию – здесь они «сделаются искусными в торговых оборотах». Знакомясь с новым укладом жизни, с российской культурой, с русскими городами, они, «видя... дивные произведения искусства Европы, фабрики и другие заведения, сами занимаясь там работами, совершенно привяжутся к цели своего назначения». Таким образом, эти пионеры модернизации отсталого края, «обогащая себя, обогатят и своих соотечественников и послужат немаловажным орудием... посеяний в Черкесии плодов гражданской жизни» [10, с. 323].

Государственность и гражданский порядок – вот гаранты будущего экономического преуспевания и торговой активности адыгских народов. И Хан-Гирей не устает повторять, что «народ черкесский, одаренный от природы многими способами ума и духа, склонен... к торговле и что с искоренением вредных предрассудков и водворением благодетельной тишины в земле черкесов, в земле прекрасной, изобильной предметами торговых оборотов, конечно, и торговля закипит и процветет по манию мудрого устройства порядка и управления».

При условии развития гражданственности на этой многострадальной земле возможно будет и «устройство солеваренных заводов», и «собрание и сбыт нефти, и заведение фабрик и заводов». Прекращение кровавого беспредела междоусобиц и набегов, изнуряющих «эту прекрасную, но от беспорядка несчастную землю», откроет новую, цивилизованную эру для адыгских народов, для любимой Хан-Гиреем Черкесии. Он понимает, что для его поколения это счастливое время еще не наступит, но «дети наши насладутся этим счастьем» [10, с. 253].

В своем творчестве северокавказские просветители первой половины XIX века уделили большое внимание теме хозяйственной деятельности и перспективам экономического развития адыгских народов. Они ставят вопрос о необходимости обновления и совершенствования хозяйственной культуры,

развитии торговли, строительстве городов. Отмечают они и необходимый аспект будущей модернизации – новое отношение к труду, повышение его общественного статуса. Со всей остротой отстаивается в их трудах главное условие успешной модернизации – становление гражданственности, российской государственности, власти законов на их родине. Несмотря на утопизм некоторых проектов, выдвинутые просветителями предложения могли способствовать созданию предпосылок для развития Северного Кавказа по пути хозяйственного прогресса, развитию товарно-денежных отношений и приобщению региона к общероссийской экономической системе [1].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Айларова С.А., Тебиева Л.Т.* Культура и хозяйство: взгляд северокавказских просветителей (конец XVIII-XIX вв.). – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – 294 с.
2. *Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК).* – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. Т. VII. – 1011 с.
3. *Государственный исторический музей – Отдел письменных источников (ГИМ-ОПИ).* – Ф. 178. – Оп. 1. – Д.33.
4. *Кумыков Т.Х.* Казы-Гирей. – Нальчик: Эльбрус. 1978. – 143 с.
5. *Кумыков Т.Х.* Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 176 с.
6. *Нагоев М.Б.* Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века: исследования и материалы. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 407 с.
7. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. / Вступ.ст. и подг. текста Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.
8. *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).* – Ф. 13454. – Оп. 2. – Д. 337.
9. *Туганов Р.У.* История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. – Нальчик: Эль-Фа, 1998. – 384 с.
10. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии / Вступ. ст. и подг. текста к печ. В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 345 с.

УДК 93/94 (470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-86-98

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИДЕИ АДЫГСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

С.А. АЙЛАРОВА

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева.

Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10.

E-mail: soigsi@mail.ru

Аннотация. В работе исследуются хозяйственные воззрения адыгских просветителей, сформировавшиеся в конкретной социально-экономической обстановке XIX в. Новые исторические условия встречи народов Северного Кавказа с капитализирующейся Россией, поставили адыгские общества перед необходимостью модернизации, обновления экономики, социальных отношений, повседневного быта широких народных масс. В фокусе исследования находится именно адыгская интеллигенция, осознавшая требования эпохи,

поставившая задачу становления новой хозяйственной культуры, которая восприняла бы все лучшее из европейской и русской культуры, и в то же время сохранила бы национальные достижения в хозяйственной деятельности. В осмыслении этой проблемы лучшим представителям адыгской интеллигенции помогало знание специфических особенностей местной экономики и одновременно форм хозяйственной практики, порожденных европейским прогрессом.

Движение экономической мысли и просвещения, происходившие в тесной связи с обновлением социально-экономических структур общества, отражено в индивидуальных творческих судьбах адыгских просветителей – Ф.А. Бековича-Черкасского, Ш.Б. Ногмова, С. Хан-Гирея, С. Казы-Гирея, Д.С. Кодзокова и др. Их труды являются одними из самых репрезентативных источников по истории хозяйственно-экономического развития горских народов в XIX веке. Изучение работ адыгских просветителей позволяет делать выводы о видении ими трудностей, перспектив и конкретных программ хозяйственного развития и преодоления экономической отсталости края.

Ключевые слова: адыгские просветители; хозяйственная жизнь; Северный Кавказ; адыги; земледелие; скотоводство; этика труда; ремесло; торговля; модернизация.

CULTURAL-ECONOMIC IDEAS OF THE ADYGHE ENLIGHTENERS (FIRST HALF OF XIX CENTURY)

S.A. AYLAROVA

*North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Researches named after V.I. Abaev.
Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Mira avenue., 10.*

E-mail: soigsi@mail.ru

Abstract. The economic views of Adyghe enlighteners, which were formed in the concrete socio-economic situation of the XIX century, are investigated in this work. New historical conditions for the acquaintance of the peoples of the North Caucasus with capitalizing Russia, presented the Adyghe societies with the necessity for modernization, renewal of economic, social relations and everyday life of the broad masses of the people. The Adyghe intelligentsia is precisely in the focus of this study, because it realized the requirements of the era, set the national task of creating a new economic culture that would take all the best from European and Russian culture, and at the same time would preserve national achievements in economic activity. In understanding this problem, the best representatives of the Adyghe intelligentsia were helped by the knowledge of the specific features of the local economy and also of the forms of economic practice generated by European progress.

The progress of economic thought and enlightenment, which took place in close connection with the renewal of the social and economic structures of society, is reflected in the individual creative destinies of the Adyghe enlighteners – F.A. Bekovich-Cherkassky, Sh.B. Nogmov, S. Khan-Girey, S. Kazy-Girey, D.S. Kodzokov, etc. Their works are of the most representative sources on the history of economic and economic development of the highlander peoples in the XIX century. The study of the works of Adyghe enlighteners makes it possible to draw conclusions about their vision of difficulties, prospects and specific programs of economic development and overcoming the economic backwardness of the region.

Key words: Adyghe enlighteners; economic life; North Caucasus; Circassians; agriculture; cattle breeding; ethics of labour; craft; trade; modernization.